

О ТОПОСЕ И ГАБИТУСЕ ХАРЬКОВА В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИИ МОДЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ

Дольская О. А.

Национальный технический университет «ХПИ», Харьков

Харьков – город удивительный и город для постоянного удивления. В своих размышлениях я буду двигаться от культурологического понимания топоса и габитуса нашего города через историю, а в конце подойду к философским размышлениям обобщенного характера о Городе и мире в целом. Начну с литературных шедевров. Есть ряд произведений, где упоминается имя нашего города. На мой взгляд, они позволят мне воссоздать не только его топос, но и обозначить некоторыми штрихами габитус Харькова.

У русского поэта Владимира Владимировича Набокова есть упоминания о Харькове в удивительном контексте. Будучи в эмиграции, критикуя чопорность и надменность британских леди, в «Университетской поэме» он написал:

..... Виолетта

Жила у тетки дама эта,
Одна из тех ученых дур,
Какими Англия богата,
Была в отличие от брата
Высокомерна и худа, ходила с тросточкой всегда,
читала лекции рабочим,
культуры чтит идеал
и полагала, между прочим,
что Харьков – русский генерал

Поэма выдержана в насмешливых тонах и напоминает старую истину о лицемерности ложной учености. Летом 1919 года английский король Георг V наградил генерала Харькова орденом Михаила и Георгия за заслуги в борьбе с большевизмом как мировым злом. Когда Британская миссия прибыла в Таганрог, где находилась ставка Деникина, для награждения, – генерала не обнаружили. Однако на этом поиски не прекратились. Британская миссия отправилась в Харьков, в штаб командующего добровольческой армии генерала В. Май-Маевского в августе 1919 года, где вопрос разрешился окончательно. Генерал Харьков – мифический персонаж. Награда осталась без героя. Оказалось, что подвиги, которые приписывались *General Kharkov*, просто написто расписали газеты Антанты. Однако, военный миф реализовался на практике в песню про него. Чуть позже году был открыт бар его имени, организован благотворительный фонд, выпущен сорт пива, кофейный напиток, мужские подтяжки с бритвенным прибором, и даже дамские модные шляпки с брендом *Kharkov*.

Не менее интересные литературные зарисовки о Харькове на этом не заканчиваются. Один из персонажей литературного произведения говорит, что Харьков расположен там, где Европа уже закончилась, а Азия еще не началась. А Антон Павлович Чехов замечает одну из характерных особенностей Харькова, создающего его габитус. Вишневый сад продают купцу, который, получив за усадьбу деньги, отправляется с ними именно в Харьков заключать выгодную

торговую сделку. Действительно восток Украины славился масштабами финансовых операций и промышленными комплексами. Так и хочется обратиться к Чехову: а не повлияли ли габитус Харькова и наша ментальность на появление огромного монстра со странным названием «Барабашово»?

Хотя недавно археологи нашли на месте Харькова следы древнего городища, о чем свидетельствуют катакомбы в толще земли под городом, возраст которых две тысячи лет, я начну рассказ о топосе Харькова, начиная со слободского времени. С XII по XVI вв. внешняя территория Харькова была частью Дикого Поля, где господствовали половцы, а потом татары. На Дикое Поле пришли переселенцы с задднепрянины. Д. Багалея в «Истории слободской Украины» писал: когда-то Харьков был чисто украинским городом, а потом, когда обрусел, часть его украинской интеллигенции, поддерживающей народ, работала над возрождением своего народа и бережно донесла это желание до наших дней – до этого огромное украинского движения, которое не только создало, но и приводит в жизнь и национальное, и политическое возрождение всей Украины, а вместе с ней и Харькова, и Слобожанщины [1].

Вот как, на мой взгляд, можно описать формирование нашего габитуса. Царь, узнав, что на юге расположились люди, которые не просто осваивают новые земли, но охраняют южные границы, послал гонцов с вопросом, что хотят эти ребята. Ответ его очень удивил: свободы и не брать налоги. Действительно, первые упоминания о слободе относятся к XI в. В XII – первой половине XVI вв. слободами выступали отдельные поселения, иногда расположенные около города-крепости, или группа поселений, иногда целая округа, жители которых освобождались от налогов и повинностей, ложившихся на тяглое население (отсюда название «слобода»). В период организации слобод жители получали и другие временные льготы. Это был один из способов привлечения в слободы непосредственных производителей, в частности из соседних княжеств. Слободы организовывали великие и удельные князья, а также отдельные светские и церковные землевладельцы, на владения которых распространялись иммунные грамоты. Отсюда и наша с вами Слобожанщина.

Топос Харькова определялся свободными людьми, которые обустроивались в свободных землях и связывали свою жизнь со свободой, со свободными действиями. Древне-русское слово «свобода» означало независимость, а также – свободное поселение. Это мы находим у И. Срезневского, в его знаменитом словаре, в третьем томе, где он, опираясь на Лаврентьевскую летопись, приводит пример диссимиляции губных согласных [3, с. 278]. Древне-русский смысл слова «слобода» – это свобода, причем само слово выражало не только онтологию, но и экзистенцию человека, экзистенцию свободного человека.

Так у наших праземляков проявлялась способность на свободное действие и свободное видение мира. С одной стороны, оформлялась теория границ, с другой, – формировалась ментальность представителей Слобожанщины, то есть наша с вами.

Удивительные люди жили в нашем городе, которые, благодаря своим мечтам, преобразовывали его. Например, наш великий земляк Г. Ф. Квитка-Основьяненко мечтал о благородной и образованной жене. Результатом таких

мечтаний стал процесс открытия гимназии для благородных девиц. Он очень хотел видеть город культурным, результат – появление театра. Скучные пьесы не устраивали его, поэтому он сам взялся за написание пьес, которые стали бриллиантами национальной драматургии. Действительно, чтобы жизнь не казалась скучной, нужны изменения, и харьковчане стремились изменять город. Харьков ассоциируется именно с изменениями, с местом, где можно начинать, начинать учиться, работать, дерзать, начинать уметь думать по-европейски, чувствуя себя свободным и ответственным.

Методология соединения топоса и габитуса объясняет для нас характеристики нашего мышления и нашей ментальности. Однако, ответственность, свобода осваиваются по-разному. Например, одни считают твердую силу руководителя изнуряющей и опасной, другие – ратуют за расшатанную ответственности в условиях размягченности. Хотелось бы сослаться на историю: Андрей Боголюбский ушел из Киева, считая власть в нем не организованной, слабой и лишенной, как следствие, ответственности.

Сегодня этот тезис приобретает особую актуальность. Современная одна из самых актуальных методологий изучения общества риска У. Бека «провозглашает»: культура мирного существования и культура свободы – вот фундамент выживания в обществе риска [2]. Неудивительно, что свобода во многом фундируется именно ответственностью. Да, У. Бек – представитель современной онтологии понимания топоса. Можно говорить о методологии современных онтологий, но и домодерные не ушли, к сожалению, в прошлое. Домодерные онтологии пространства и времени продолжают будоражить умы наших современников. Как сегодня надо понимать мир, как оценивать онтологии топоса, на какие методологии опираться в своих рассуждениях – вот вопрос.

У Н. Лумана понятие «Мир» изменяет свои смысловые составляющие. У него это не абсолютное пространство и не абсолютное время. Мир – это совокупный горизонт осмысленного переживания, направленный в середину или наружу. Мир становится закрытым, благодаря активированному в нем смыслу [4]. Каждый из нас конструирует мир, снимая парадокс наблюдателя мира. Это касается и города. Любой город может быть миром для себя, а может быть составляющим мира.

Поэтому не менее актуальна и методология глобализации мира. Она превращает город в узкую полосу топоса, лишённого очарования каждого из городов, пусть даже мирового значения. Но глобализация с указанием на узость мира, пространства, времени, начинает травмировать участников глобального процесса. Мышление домодерных онтологий делало ставку на универсальный мир, универсальный в его культурных, социальных, политических измерениях, как на лучший мир, мир без войны и страданий. Вероятно, глобализация в таком контексте обосновывала возможность стабилизации мира. Но, к сожалению, мышление Модерна оказывается травмированным именно такими стратегиями. «Общественное сознание» – термин диалектического материализма – нашло в домодерной онтологии некую гармонизацию, а тем более реализацию духовного. Но Н. Луман указывает на бесперспективность руководствоваться понятиями «абсолютное пространство» и «абсолютное время». «Мир – это со-

вокупность переживаний, мир – это осмысленное переживание, направленное в середину и наружу. Мир становится определенным – закрытым или открытым – благодаря активированному в нем смыслу» [4, с. 153].

Каждый житель города конструирует мир, тем самым снимая парадокс наблюдателя мира. Это прямо связано и с топосом, и с габитусом города. Как часто, например, читая роман Булгакова «Белая гвардия», мы рисуем в своем воображении город Киев страшного 1918 года. Экзистенциально мы находимся вместе с персонажами в этом городе и переживаем вместе с ними. Однако разница между нашими переживаниями и переживаниями персонажей романа в том, что наша экзистенция не фаталистична, чего не скажешь о персонажах романа. В ситуации отчаянных событий булгаковский персонаж напоминает нам субъекта познания, но уже не в метафизическом контексте. М. Булгаков выписывает его в новом дискурсе. Я бы сказала, что М. Булгаков стоит на пути к постметафизическому мышлению. У него субъект потерял свое двойственное положение как такое, которое противостоит всему (всеобщему), он также не рассматривается как один среди множества.

Именно у И. Канта субъект с его трансцендентальным сознанием противопоставлялся миру как совокупности познаваемых объектов. Одновременно как эмпирическое сознание субъект также выступал как одна сущность среди множества. В начале XX века М. Хайдеггер, наоборот, пытался понять субъективность, которая проектирует мир и понимает его как в-мире-бытие, как отдельное *Dasein*, и которое, все-таки, не может избавиться от своей трансцендентальной спонтанности, свидетельствуя о силе причастности к традиции И. Канта. Трансцендентальное сознание должно покориться, несмотря на свою мирозозидающую позицию, условиям исторической фактичности и внутримирового существования. Но уже в своей поздней философии М. Хайдеггер разработал альтернативу своей ранней философии. Он уже не связывает процесс открытия мира, приобщения к миру с индивидуальным *Dasein*. Он понимает конструирование мира уже не как продукт деятельности, а как всепоглощающее анонимное событие, которое приравнивается к темпорализированной силе первоначала. Изменение онтологий совершается в медиуме языка как события. Поздний М. Хайдеггер поднимает смыслотворческий потенциал языка на ступень Абсолютного. Как следствие, встреча с внутренним мировым происходит фаталистически.

Дискурс романа М. Булгакова выстроен с обращением именно к последнему. Этому есть следующее подтверждение. Если внимательно перелистать книгу, мы заметим, что автор ни разу не упоминает название города. Не тут ли срабатывает методология смыслов Н. Лумана? Какой смысл приобретает рассказ каждого персонажа романа и какой смысл приобретает событие романа, реализуемое по схеме «тут и сейчас»? Это рассказ о гибели мира, причем каждый персонаж романа переживает свой личностный Апокалипсис. Эти экзистенции налагаются на топос и перед нами уже не Киев, перед нами мировой город Иерусалим. Как ни страшно об этом говорить, но сегодня тема украинского Иерусалима повторяется во многих наших городах.

Любое общество, любой город может быть охарактеризован как мировой, глобальный. Сегодня активно просятся к жизни модерные онтологии в их плюралистической парадоксальности. И это актуализирует тему единства и многообразия культур в национальном и трансцендентальном измерении. Однако домодерные онтологии, домодерное мышление не дают возможности активизировать иные онтологические координаты, а именно – не способствуют начинанию думать по-европейски, начинанию культивирования чувства свободы и ответственности. Необходимо формировать новое пространственное мышление, где соединились бы экзистенциальные моменты с элементами свободы и ответственности.

Литература: *Багалій Д. І.* Історія Слобідської України /Д. І. Багалій. – Харків : Наукове видання «Основа», 1990. – 256 с.; 2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Ульрих Бек ; [пер. с нем.]. – М. : Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с. ; 3. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка / Измаил Иванович Срезневский : В 3-х т. Репринт: воспроизведение: – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1895. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – Т.3 : Р – Я : – 1684 стлб., Доп. 272 стлб. – 905 с.; 4. *Luhmann N.* Die Gesellschaft der Gesellschaft. Erster Halbband / N. Luhmann – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998. – 231 s.

К ВОПРОСУ О БАХТИНСКОМ КАРНАВАЛЕ: АНТИЧНОСТЬ, МОДЕРН, ВЕЧНОСТЬ (Фрагмент)

Кэрл Эмерсон

Принстонский университет, Принстон, США

Во-первых, Бахтин увлечен смехом как физиологическим, психологическим и социологическим феноменом, но в целом он не является большим приверженцем страстей. (Ближе всего в этом отношении он к Дэвиду Юму и Адаму Смиту, которые также полагали, что общение является приятным и естественным, и вдохновляет нас к симпатическому со-переживанию опыта). Бахтин редко апеллирует к другим чувствам, кроме жалости и любви, в своих произведениях, еще в меньшей степени он исследует, оценивает или перечисляет страсти. Подобно своим наставникам Гегелю и Канту, Бахтин считал, что человеческому пониманию, претендующему на культурную ценность, – а выживание культуры представляло высший приоритет для философов Марбургской школы, – не пристало быть мистически эмоциональным или не передаваемым посредством письма. Понимание является познаваемым, сознательным и познавательным процессом. Но в отличие от своих великих предшественников Гегеля и Канта, Бахтин никогда не обсуждал систематически отношения между комическими и трагическими страстями, между смехом и трагедией, или между комедией и этическим долгом. Итак, наш первый парадокс: смех и комическое – рефлекс, которые рассудочный, пронизательный в вопросах морали Бахтин вовлекает в центр